

УДК 141.155

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ**Леушкин Р.В.***ГОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет»,
Ульяновск, e-mail: Leuskinrv@mail.ru*

В данной работе анализируются эволюционно-эпистемологические и социобиологические концепции, в которых выявляется теоретико-методологический инструментарий, пригодный для изучения сущностных сторон видов социальной коммуникации. Типология видов коммуникации осуществляется на основе специфики социальной коммуникативной системы, которая обеспечивает его существование и функционирование. Выделяются три автономных вида социально-коммуникативных систем, образованных различными видами кодирования: устная, печатная и электронная (виртуальная). Данные виды социально-коммуникативных систем принадлежат к различным этапам развития форм социальной коммуникации. Селекция кодирующих структур (социальных и культурных кодов) обуславливает эволюцию видов социально-коммуникативных систем, в ходе которой данные структуры комбинируются и рекомбинируются. Вместе с возникновением новых форм кодирования коммуникации возникают новые виды коммуникативных систем и, как следствие, новые виды социальной коммуникации.

Ключевые слова: социальная эволюция, социально-коммуникативная система, виртуальная социальная коммуникация, социобиология, эволюционная эпистемология

THE EVOLUTION OF SOCIAL COMMUNICATION SYSTEMS**Leushkin R.V.***Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, e-mail: Leuskinrv@mail.ru*

This paper analyzes the evolutionarily-epistemological and socio-biological concept, which revealed a theoretical and methodological tools, suitable for the study of the essential aspects of forms of social communication. Typology of communication is based on the specifics of the social communication system ensures its existence and functioning. Distinguished three types of autonomous social-communicative systems formed by different types of coding: verbal, written and electronic (virtual). These types of social-communicative systems belong to different stages of development. Selection of coding structures (social and cultural codes) determines the evolution of species of socio-communicative systems in which data structures are combined and recombined. With the emergence of new forms of communication coding there are new kinds of communication systems, and as a result, new forms of social communication.

Keywords: social evolution, social communicative system, the virtual social communication, sociobiology, evolutionary epistemology

Коммуникация и ее формы являются одними из определяющих факторов организации общества. Наиболее глубокое развитие данная идея получила только в середине XX века, хотя ее предпосылки возникают в конце XIX и начале XX столетия.

Так, уже Г. Тард обращает внимание на важную роль человеческого общения в организации коллективного поведения и социальных процессов. Отмечая данное обстоятельство, он выделяет такой процесс, как изменение характера человеческого общения в ходе исторического развития общества. Тард также обозначает особенности организации общения, которые приводят к выделению нескольких его видов. Так, им выявляется печатная коммуникация, в которой указываются совершенно очевидные особенности ее организации, отличающие ее от традиционных видов устной коммуникации. Тард идет дальше и, предвосхитив развитие данной области знания, выделяет такую особенность печатной коммуникации, как продуцирование иного типа социальных формаций (систем). На этой

основе он разделяет толпу, которую можно представить как систему, продуцируемую устной коммуникацией, и «аудиторию» как пространственно дистанцированную форму социальной организации, производимую печатной коммуникацией. Другими словами, Тард затрагивает проблему эволюции коммуникативных форм и зависимость организации социальных систем от вида коммуникации.

Сложно не согласиться с тем утверждением Тарда, что существующие в наши дни формы коммуникации исторически обусловлены. Так же очевидно, что исторических форм коммуникации существует несколько. Их можно выстроить в определенную последовательность, учитывая характер, способ и условия их существования. Эта последовательность объединяется в тенденцию, которую можно охарактеризовать как эволюцию форм коммуникации.

В середине XX века наука прошла через очередную переориентацию генеральных тенденций и обратила свое внимание на различные проявления коммуникации.

Примерно в это время происходит выделение основных видов социальной коммуникации. Г. Иннис, Л. Мамфорд, Н. Фрай и М. Маклюэн одними из первых признают идею связи между ведущей формой коммуникации в обществе и его структурными особенностями: ведущая форма социальной коммуникации определяет тип общества, его экономику, политическое устройство, структуру семейных связей и т.д. В дальнейшем М. Маклюэн выделяется несколько исторических видов социальной коммуникации.

Исторически первым видом социальной коммуникации, организующей человеческие сообщества, является вербальная устная коммуникация. Она является ведущей в организации социальных процессов, начиная со стадии первобытного общества примерно до XVII в. нашей эры. Следующий наиболее крупный вид коммуникации – это печатная коммуникация. Она актуальна с XVII в. до середины XX в. Начиная с середины XX в., происходит постепенная переориентация общества на электронную коммуникацию.

Каждая ведущая форма коммуникации, помимо структурных особенностей общественной системы, определяет ряд культурных особенностей данного общества. Форма коммуникации конституирует социокультурную систему, сливаясь с ней в неразрывное целое, в социально-коммуникативную систему. Таким образом, форма коммуникации обуславливает социальную структуру и форму сознания одновременно. Данные образования существуют в определенном единстве, на значимость данного обстоятельства указывают М. Шелер и К. Маннгейм, которые одними из первых начинают изучать социальные условия человеческого познания, закладывая основы эволюционной эпистемологии. Опираясь на утверждение о связи коммуникативной и когнитивной функций познавательной активности, можно предположить, что эволюционный подход к изучению когнитивных форм применим и к изучению коммуникативных форм. Для того чтобы обосновать это утверждение, обратимся к анализу эволюционной эпистемологии.

Разбираясь в сущности эволюционной эпистемологии, Ю. Хабермас отмечает, что в основе ее лежат два базовых философских принципа. Первый – это принцип развертывания во времени, раскрытия, развития. Хабермас видит источником этого принципа гегелевские законы диалектики. В дальнейшем сущностное содержание этого принципа воплощается в эволюционизме. Вторым принципиальным основанием является вос-

ходящая к И. Канту, идея трансцендентального субъекта, которая выступает основанием познания [5].

Итак, в рамках эволюционной эпистемологии происходит синтез двух фундаментальных философских принципов. Впервые вопрос о подобном синтезе в области современных когнитивных наук поставил К. Лоренц в работе «Кантовская концепция *a priori* в свете современной биологии».

Открывая эволюционно-эпистемологический дискурс, Лоренц обращается к довольно банальной проблеме, а именно соотношению классической теории познания и «новой» теории развития (Т.А. Белгородская). Если теорию эволюции рассматривать сообразно с философским принципом развития, то, по мнению Лоренца, два фундаментальных философских принципа не только не взаимоисключают, но и способны дополнять друг друга. В кантовской теории познания рассматривается такая категория, как «вещь в себе» и априорные формы познания и чувственности. С точки зрения Лоренца, ни то, ни другое не противоречит принципам эволюционизма. Изучать сущность познания Лоренц предлагает сравнительным исследованием с применением принципов эволюционизма, путем сопоставления предшествующих (эволюционно ранних) и последующих (эволюционно поздних) форм познания. Обосновывается это тем, что априори, как и индивиды, подчиняются селекционному давлению, отсеивающему «плохие» формы априори вместе с индивидами, следовательно, априорные формы чувственности изменяются в ходе эволюции. Ввиду этого логично предположить, что априори неким образом связаны со средой и некоторым образом ею обусловлены. Следовательно, априорные формы познания и чувственности, принадлежащие субъекту (наряду с организмом), являются результатом эволюционного процесса. И сообразно их филогенетической развернутости могут быть изучены. Как можно заметить, точка зрения Канта ограничена именно синхроническими рамками, ввиду того, что он не располагал диахронической методологией. Именно на соединении принципа синхронии и диахронии в вопросах изучения познания (и ментальных форм) и настаивает Лоренц, с чем мы и соглашаемся.

Отталкиваясь от идей Канта, Лоренц формулирует их в современном виде: «человеческое мышление и восприятие обладают определенными функциональными структурами до всякого индивидуального опыта» [9, 114]. А самое главное, эти структуры претерпевают эволюционные транс-

формации и в соответствии с этим могут быть изучены.

Лоренц, вслед за Кантом, говорит о том, что ни одно из проявлений чувственной реальности не имеет абсолютного выражения: действительность — это результат взаимодействия, адаптированности органа к «вещи в себе». Так, «чистая математика» рассматривается как проявление «органа» нумерической квантификации (развившегося в ходе эволюции). По мнению Лоренца, доступ к априорным формам («рабочим гипотезам»), «...то есть инструменту (познания), делает вещь в себе относительно постижимой» [9, 118]. Следовательно, в эволюционной эпистемологии открывается перспектива углубления знаний об объективной действительности, а также культурного и социального становления человека.

В эволюционной эпистемологии трансцендентальный субъект как основа когнитивных форм и познания из синхронического среза вводится в диахроническую, эволюционную перспективу. Это является основным достижением эволюционной эпистемологии. В контексте изложенного возникает закономерный вопрос: как это можно применить к изучению форм социальной коммуникации? Ответ может дать альтернативная трактовка трансцендентального субъекта.

В связи с тем, что представления о трансцендентальной субъективности со временем сами претерпели изменения, данное образование предстает в несколько ином измерении. Так, Э. Гуссерль, перерабатывая теорию трансцендентального субъекта, приходит к пониманию его посредством интерсубъективности. Это значит, что «социальный» аспект в понимании трансцендентального субъекта становится обязательным как в синхроническом представлении познания, так и в диахроническом. Интерсубъективность как необходимое условие познания является ключом к изучению социокогнитивных форм в диахронической перспективе. Если выделить формы интерсубъективности, то среди прочего о трансцендентальной субъективности можно говорить в контексте темы коммуникации (Э. Левинас). Таким образом, следует предположить наличие неких синхронических (условно инвариантных, «априорных») оснований, необходимых для осуществления коммуникации, которые определенным образом эволюционируют. Инварианты социальной коммуникации подвергаются селективному давлению вместе с носителями данной формы коммуникации и неизбежно эволюционируют. Вопрос во многом заключается лишь в том, в какой форме данные

инварианты существуют и на каком уровне происходит их селекция. Следовательно, открывается возможность изучения форм коммуникации в эволюционно-эпистемологическом дискурсе, выявляющем источники форм коммуникации, которые через них и наряду с ними определяют когнитивные формы. Данные источники также могут быть изучены компаративистским методом, что позволяет выделить тенденции в их эволюции. В данном контексте приходится говорить о эволюции социальных систем, регулируемых некими инвариантами, или о социальной эволюции. И, таким образом, посредством выделения неких форм «априорий» (инвариантов) в ходе социальной эволюции возможно определить условия существования конкретной формы социальной коммуникации.

Однако существует довольно сложная проблема соотнесения генетической и социальной эволюции. Проявляется она в том, что биологическим инвариантом является ДНК, ген, а социальный до сих пор не определен. Частично проблема разрешается в социобиологических теориях и концепциях, например в теории генно-культурной коэволюции (Л.Л. Кавалли-Сфорца, Р. Бойд, П. Ричардсон). В данной теории речь идет о существовании помимо наследственного кодирования, культурного кодирования (на уровне «эпигенетических правил»). Осуществляется культурное кодирование посредством «культургена» (Ч. Ламсден, Э. Уилсон) — своеобразного «социального ДНК». Несмотря на то, что данной теорией объясняются феномены культурной эволюции (такие как интенсификация культурогенеза в неолите), она порождает множество сомнений относительно способа существования культургенов. Возможно, причина кроется в том, что функция культургена (вместе с культурными объектами) в данном случае редуцируется к функции ДНК.

Г. Чик, опираясь на работы А.Т. Рембо, Р. Бойда и П. Ричардсона, приходит к выводу, что культурная эволюция неизбежно сопряжена с комбинацией и рекомбинацией элементов культуры на уровне культурных конгломераций [6].

Опираясь на информационный подход к описанию культуры Дж.М. Робертса, Чик настаивает на необходимости «измерения» культурной информации. Информацию можно мерить битами, культурную информацию же — аналогичными дискретными единицами. Однако измеримость «культурных кодов» является довольно спорным моментом. По крайней мере, ввиду того, что существует сложность в исследовании его

физиологического или физического субстрата и даже в его локализации.

С подобной проблемой столкнулся автор концепции «культурного репликатора» Р. Докинз. В работе «Расширенный фенотип» он локализует элементы культурного кодирования в психофизиологических паттернах множества индивидуумов, участвующих в культурном и социальном взаимодействии. Физиологическим субстратом культурного репликатора является нервная система и особые конфигурации (конструкции) стереотипных моделей поведения (рефлекторных дуг), которые, обладая определенной структурой, сохраняют пространственную и временную стабильность. Таким образом, культурный репликатор является феноменологически идентифицируемым и одновременно объективным репликатором, представленным в виде определенных социокогнитивных конструкций. Аналогичный подход представлен в концепции «мема» Р. Докинза и «медиавируса» Д. Рашкоффа.

Эволюция форм социальной коммуникации обусловлена некими объективными инвариантами, которые являются исторически-специфичными структурами. В данном контексте наряду с концепцией культургена стоит рассмотреть концепцию социального кода. Поэтапное развитие форм коммуникации, эволюция языка предполагают определенный, универсальный механизм кодирования данных форм.

Обоснование идеи социального кода требует комплексного сравнительного исследования, и на данный момент она не является научно доказанным фактом. Однако следует выделить некоторые положения, в которых фиксируются наблюдения, говорящие в пользу наличия социального кода: наличие характерных либо универсальных механизмов в развитии различных культурных сообществ [4; 7; 8], параллельный культурогенез и социогенез [4], схожесть этапов эволюции или развития культурных систем¹.

Социальный код обуславливает большую часть процессов интеграции социальных систем. Следовательно, он задает рамки отношений между элементами социальных систем, тем самым обеспечивается форма коммуникации. Это означает, что обнаруживается связь между условиями работы социального кода и особенностями социальных систем и формами социальной коммуникации. Эта точка зрения предполагает анализ предпосылок как социокультурной инте-

грации, так и социальной коммуникации, поскольку «...главное заключается в том, что культура при всем многообразии своих частных функций в целом представляет собой определенную норму социального взаимодействия и коммуницирования...» [4]. Социальный код регулирует работу социально-коммуникативных систем как неких образований. Исследованию способа существования данных систем посвящено много работ. У. Матурана и Ф. Варела выделяют такое понятие, как аутопоэзис. Аутопоэзис – это процесс самопорождения и самовоспроизведения, характеризующий закрытую систему, которая способна к автономному существованию в некой среде (условиях). Аутопоэтическая система существует в среде посредством структурного дрейфа. Социальные системы по большому счету можно отнести к аутопоэтическим системам [1]. Социальные системы, понимаемые как спонтанные сопряжения определенного порядка, имеющие различные формы, обладают принципиально общими свойствами. «Когда они (социальные системы) возникают, их появление порождает специфическую внутреннюю феноменологию, такую, при которой индивидуальные онтогенезы всех участвующих организмов являются компонентами сети коонтогенезов» [2, 171]. Следовательно, не только на когнитивном, но и на физическом уровне социальные системы представляют собой единое интегрированное образование.

Особенностью человеческих социальных метасистем является необходимость дополнительной адаптации в лингвистической сфере, в коммуникативной среде [2, 176]. Данная адаптация происходит спонтанно, в актах коммуникации и мышления. Это говорит в пользу того, что когнитивные и коммуникативные структуры эксплицируются из одних и тех же оснований, как и то, что становление когнитивности когерентно развитию языка [3]. Становление индивидуальности (я-концепции) определено операциональным пересечением в «человеческой единице» рекурсивных лингвистических различий, которыми выделяется такое образование, как индивидуальное «Я». Это образование представляет собой дескриптивную рекурсию, поддерживаемую в сети лингвистических взаимодействий (коммуникации). «Сознание и разум лежат в области социального сопряжения – именно там источник их динамики» [2, 206]. Однако и коммуникации исходят от конкретных индивидуумов: «Коммуникация – координированное поведение, которое взаимно запускают друг у друга члены социального единства» [2, 171].

¹ В той или иной мере данный тезис утверждается в работах Г. Спенсера, О. Конта, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма. В современном виде прорабатывался Л. Уайт, Дж. Стюард.

Таким образом, в коммуникативных актах, в символических и знаковых формах выражаются кодирующие коммуникацию структуры, перестройка которых продуцирует возникновение новых коммуникативных форм. Данный процесс может быть изучен с научной точки зрения, для этого необходима экспликация социальных кодирующих структур, обнаруживающихся в качестве условий существования конкретной формы коммуникации. Примером такого условия является специфический социокогнитивный конструктор.

Таким образом, было показано, что социальная коммуникация, выраженная в исторической форме социально-коммуникативных систем, соотносена с организацией фундаментальных кодирующих структур. Данные кодирующие структуры условно могут быть представлены в концепции социального кода. Структурная организация социального кода в определенный период развития определяет комплекс коммуникативных и когнитивных форм человеческой активности и выражается в морфологии социальных образований, таких как социально-коммуникативные системы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «Виртуальная социальная коммуникация: социально-онтологические аспекты», проект № 14-53-00006.

Список литературы

1. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.
2. Матурана У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 848 с.
4. Флиер А.Я. Природа культуры и закономерности ее развития [электронный ресурс] // Культурологический

журнал. [Официальный сайт]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/221.html&j_id=16 (дата обращения: 07.06.14).

5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
6. Чик, Г. Единицы культуры // Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. – С. 111–122.
7. Ember M. Evolution of the Human Relations Area Files // Cross-Cultural Research. – 1997. – № 31. – P. 3–15.
8. Murdock G.P. The Common Denominators of Cultures // The Science of Man in the World Crisis. – New York: Columbia, 1945. – P. 123–142.
9. Lorenz, K. Kant's Lehre vom apriorischen im Lichte gegenwartiger Biologie // Blatter fur Deutsche Philosophie, – 1941. – № 15. – P. 94–125.

References

1. Luhmann, N. Social Systems. Essay on the general theory. St. Petersburg: Science, 2007 648 p.
2. Maturana, U. The tree of knowledge: The biological roots of human understanding / U. Maturana, F. Varela. Progress-M.: Tradition, 2001 224 p.
3. Piaget J. Speech and thought of the child. M.: Direct Media, 2008 848 p.
4. Flier ay nature of culture and laws of its development [electronic resource] // Culturological magazine. [Official. site]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/221.html&j_id=16 (date accessed: 07/06/14).
5. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg.: Science, 2000 380 p.
6. Chick G. Units culture // Social Sciences and Modernity. 2000 no. 2. pp. 111–122.
7. Ember M. Evolution of the Human Relations Area Files // Cross-Cultural Research. 1997. no. 31. pp. 3–15.
8. Murdock, G.P. The Common Denominators of Cultures // The Science of Man in the World Crisis. New York: Columbia, 1945. pp. 123–142.
9. Lorenz, K. Kant's Lehre vom apriorischen im Lichte gegenwartiger Biologie // Blatter fur Deutsche Philosophie, 1941 15, pp. 94–125.

Рецензенты:

Брысина Т.Н., д.ф.н., профессор кафедр «Философия», УлГТУ, г. Ульяновск;
Тихонов А.А., д.ф.н., профессор кафедр «Философия», УлГПУ, г. Ульяновск.
Работа поступила в редакцию 10.10.2014.